

Предисловие редактора

В 1918 году К. Г. Юнг опубликовал статью «О бессознательном», с которой начинается настоящий том. В этой статье он убедительно обосновал свое мнение по поводу того, что военный конфликт в Европе, рассматриваемый почти исключительно с материалистической точки зрения, на самом деле является психологическим кризисом, который зародился в коллективном бессознательном индивидуумов, составляющих различные группы и нации. Впоследствии Юнг не раз обращался к обстоятельствам того времени в других работах; в частности, его немало интересовали отношения человека и социума.

Следующие восемь работ в настоящем томе — все написаны в промежутке между двумя мировыми войнами — продолжают тему, затронутую в первой статье, и раскрывают подробнее бессознательные предпосылки действий современного человека, а также подчеркивают важность самопознания, которое помогает сопротивляться давлению общества. Кроме того, обсуждаются конкретные вопросы — например, влияние социальных изменений на гендерные отношения и воздействие этнического фактора на развитие психологических теорий. Далее публикуются четыре работы из сборника «Очерки современных событий» (1946). В этих работах Юнг показывает, что сны и фантазии отдельных пациентов в состоянии отражать бессознательные массовые устремления ничуть не хуже, чем это делают социальные и политические потрясения, которые он называет психическими эпидемиями. Древний Вotan в статье, впервые опубликованной в 1936 году, предстает архетипической фигурой, символизирующей бессознательные движущие силы Германии, которые нашли свое выражение в национал-социалистическом движении.

Психодинамика, которую Юнг выводил из поведения индивидуумов и групп, была наиболее очевидна в Германии, однако в целом этот подход имел куда более широкое применение, как автор объясняет в двух крупных работах, написанных в поздние годы. В очерке «Настоящее и будущее» (1957) подвергаются пересмотру отношения между индивидуумом и массовым обществом, а в работе «Один современный миф» (1958) Юнг анализирует происхождение мифа, который видится ему компенсацией за сугубо научную ориентированность мышления в нашу технологическую эпоху. Поскольку кризис цивилизации, по мнению Юнга, проявляется в первую очередь в нравственности, рассуждения о добре и зле и психологической функции совести (статьи XVI и XVII в настоящем томе) составляют необходимое и немаловажное дополнение к рассматриваемой теме.

Рецензии на книги и короткие статьи (работы XIX–XXIV) — это яркие, эмоциональные ответы Юнга на замечания своего современника графа Германа фон Кайзерлинга¹ относительно вопросов национального восприятия, с опорой на собственные впечатления от посещения Соединенных Штатов Америки и Индии. Наконец в приложении публикуются выдержки из документов тех лет, когда Юнг был председателем Международного медицинского общества психотерапевтов и главным редактором журнала ММОП «Центральблатт фюр психотерапи». Деятельный характер Юнга и осознание долга перед обществом и перед своими коллегами побудили его занять эту должность, в которой он усматривал возможность бороться, в меру своих сил, с преследованиями психотерапии в нацистской Германии. К сожалению, его деятельность попала под перекрестный огонь тенденциозной и невежественной критики. Сегодня цели, к которым он неустанно стремился, впервые предъясняются ясно и четко — вместе с подтверждающими документами.

Благодарим госпожу Магду Кереньи² за согласие составить именной и тематический указатели для данного обширного тома, а также за приложенные ею усилия и тщание.

Редактор, декабрь 1973 г.

¹ Немецкий аристократ и философ, популяризатор свободомыслия. — *Примеч. пер.*

² Вторая жена известного венгерского мифолога и психоаналитика К. Кереньи, активистка аналитической психологии. — *Примеч. пер.*

Дополнение

В отсутствие оригинальных рукописей — по-видимому, они были утеряны, если только К. Г. Юнг, что вполне возможно, не писал исходно на английском языке, — ряд работ в составе настоящего тома (XII, XXII, XXIII, XXIV и отдельные документы) пришлось переводить для публикации на немецкий язык. Согласно известной поговорке, переводчик сродни предателю: «Traduttore — traditore»¹. Разумеется, при этом переводе местами было попросту не избежать догадок относительно смысла авторского текста. В нашем случае ситуация усугублялась тем обстоятельством, что социальную проблему, которую автор диагностировал с Первой мировой войны и для которой предлагал психотерапевтическое истолкование, в последующие десятилетия (в особенности же в последнее время) никак не удавалось преодолеть — наоборот, она неудержимо и непреодолимо распространялась повсеместно. Какой читатель сегодня способен нейтрально и непредвзято, без эмоций, грозящих потрясти основы душевного здоровья, воспринимать такие слова, как «негр», «еврей», «дикарь», такие понятия, как «раса» и «народ», «цвет кожи», «коллективное», «государство» или «общество»? Психологам давно известно, что неконтролируемые гипераллергические реакции суть признаки, по выражению самого К. Г. Юнга, «эмоциональных комплексов» (с них он начинал свои психиатрические исследования, изучая словесные ассоциации). Как известно, комплексы представляют собой прежде всего средоточия психической энергии в высокой степени концентрации. Отделенные от сознания, они ведут индивидуумов и целые общества к тем неврозам или психозам, которыми мы, очевидно, сегодня страдаем не меньше, чем страдали люди в ту пору, когда писались статьи, вошедшие в настоящий том. Не было смысла поэтому брезгливо кривиться от «плясок вокруг сильно заряженных чувств» или мучительно ломать голову над переводом с английского указанных «амбивалентных» отрывков в попытках подобрать более корректные, даже смягченные по значению немецкие слова: ведь в противном случае мы лишились бы понимания масштабов личности Юнга и не смогли бы ощутить себя его современниками, озабоченными общей бедой. Вдобавок всякий,

¹ «Переводчик — предатель» (ит.). — *Примеч. ред.*

кому хочется верно (или неверно) понять и оценить отношение Юнга к профессии и его темперамент психиатра, все равно пренебрежет любыми «мерами предосторожности» со стороны редактора. Непредубежденного читателя, который заинтересован в лучшем понимании основных интеллектуальных устремлений современности, их истоков и направления, отсылаю к письмам автора за соответствующие годы (переписка Юнга в трех томах, охватывающих период с 1906 по 1961 г., опубликована издательством Walter-Verlag в 1972–1973 годах).

*Э. Проф*¹

---

¹ Швейцарский психоаналитик, одна из учениц Юнга, редактор многих томов из собраний сочинений автора. — *Примеч. пер.*

I

О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ¹

¹ Для непосвященного слово «бессознательное» имеет оттенок чего-то метафизического и довольно загадочного. Эта особенность, присущая понятию бессознательного как такового, объясняется прежде всего тем, что указанный термин употребляется в обыденной речи как обозначение метафизической сущности. Эдуард фон Гартман², например, назвал бессознательное «всеобщим первоначалом»³. Вдобавок это обозначение было подхвачено оккультизмом, ибо люди соответствующей склонности чрезвычайно любят заимствовать научные термины, придавая своим рассуждениям условно-научный облик. В противовес этому психологи-экспериментаторы, долгое время считавшие себя — не без оснований — представителями единственно верной и подлинно научной психологии, отвергали представление о бессознательном — по той причине, что все психическое есть сознательное и только сознание, собственно, заслуживает называться «психикой». Они признавали, что сознательные психические содержания наделены ясностью в различной степени, что некоторые из них «ярче» или «темнее» других, но вот существование бессознательных содержаний отрицалось как противоречие в терминах.

---

¹ Первая публикация: Schweizerland: Monatshefte fuer Schweizer Art und Arbeit (Zurich), IV (1918), no. 9 und 11–12. — *Примеч. ред.*

² Немецкий философ, один из основоположников представления о важности бессознательного в человеческой жизни. — *Примеч. пер.*

³ Подробнее см.: *Эленбергер Г.* Философия природы и романтическая философия // *Открытие бессознательного: История и эволюция динамической психиатрии.* М.: Академический проект, 2018. Т. 1. От первобытных времен до психологического анализа. — *Примеч. ред.*

² Этот взгляд во многом обуславливался тем обстоятельством, что исследования в лабораториях проводились над исключительно «нормальными» испытуемыми; также сказывался характер самих опытов, которые затрагивали, насколько это возможно, наиболее элементарные психические процессы, тогда как исследование более сложных психических функций, по самой своей природе не поддающихся экспериментальным процедурам и точным измерениям, практически отсутствовало. Впрочем, важнейшим фактором, далеко превосходящим обе указанные причины по значимости, была разобщенность психологов, поскольку экспериментальная психология оставалась обособленной от психопатологии. Во Франции еще со времен Рибо¹ психологи внимательно отслеживали аномальные психические явления; один из виднейших местных психологов, Бине², даже предполагал, что патологическая психика частично преувеличивает отклонения от нормы, трудные для понимания, и, как бы выпячивая, делает их более явными и понятными. Другой французский психолог, Пьер Жане³, работавший в клинике Сальпетриер, изучал, с большим интересом и с немалым успехом, развитие психопатологических процессов. Тут нужно отметить, что именно ненормальные психические процессы наиболее ярко и убедительно доказывают существование бессознательного. Потому-то медики, в первую очередь специалисты в области психических болезней, всемерно и стойко поддерживали

---

¹ Французский психолог и педагог, стремился превратить психологию в точную науку, основатель Парижского общества физиологической психологии, организатор I Международного психологического конгресса (1889); по словам швейцарского психиатра Ж. Пиаже, «от Рибо во французских психологических школах начинается традиция широкого применения патологий и болезненных состояний в качестве экспериментального материала». — *Примеч. пер.*

² Французский психолог, основатель первой лаборатории экспериментальной психологии во Франции, автор работы «Опыты по экспериментальной психологии». — *Примеч. пер.*

³ Французский психиатр, создатель общей теории неврозов, считал, что в человеческой психике имеются как «низшие» (рудименты примитивного, инстинктивного сознания), так и высшие элементы (собственно сознание современного человека, прежде всего индивидуальное). — *Примеч. пер.*

гипотезу о наличии бессознательного. При этом, пусть во Франции общая психология значительно обогатилась благодаря достижениям психопатологии и усвоила постепенно представление о «бессознательных» процессах, в Германии уже общая психология обогатила психопатологию, снабдив последнюю рядом ценных экспериментальных методов, — но не переняла от психопатологии интерес к патологическим явлениям. Это соображение помогает уяснить, почему психопатологические исследования развивались в немецкой науке иначе, чем во Франции. В Германии психопатология превратилась — если не учитывать любознательность академических кругов — в заботу практикующего врача, который в силу своей профессии был попросту вынужден разбираться со сложными психическими явлениями в заболеваниях пациентов. Так возникла целая совокупность теоретических взглядов и практических приемов, ныне известная как «психоанализ». Понятие бессознательного получило широкое применение в психоаналитическом движении, сделалось куда популярнее, чем во французской научной школе, которую больше привлекали различные формы проявления бессознательных процессов, а не их причины или специфическое содержание. Пятнадцать лет назад я сам, независимо от фрейдистской школы и на основе собственных экспериментальных исследований, убедился в существовании и значимости бессознательных психических процессов, указал на способы, какими эти процессы могут быть предъявлены и изучены¹. Позже, в сотрудничестве с рядом своих учеников, я обосновал значение бессознательных процессов у душевнобольных.

³ В результате такого — поначалу сугубо медицинского — развития понятие бессознательного приобрело окраску, как бы заимствованную у естественных наук. В школе Фрейда это понятие осталось чисто медицинским. Согласно взглядам этой школы, человек, будучи существом культурным, не в состоянии осуществить немалое число своих инстинктивных побуждений и желаний по той простой причине, что они несовместимы с законом и моралью. Следовательно, он,

¹ Здесь автор отсылает к своим ранним работам, которые впоследствии составили том I собрания сочинений К. Г. Юнга. — *Примеч. ред.*

жая приспособиться к обществу, в котором живет, вынужден подавлять подобные желания. Предположение о том, что у человека имеются таковые желания, выглядит вполне правдоподобным, и каждый может убедиться в его истинности в любое время, если согласится проявить хоть немного честности. Но признание данного факта сводится, как правило, лишь к общему утверждению о наличии неких социально неодобряемых, недопустимых желаний. Зато из опыта известно, что восприятие принципиально меняется, когда речь заходит об индивидуальных случаях. Здесь, и это крайне примечательно, доказывают, что очень часто в результате подавления недопустимых желаний тонкая стенка между желанием и осознанием желания разрушается, а потому желание становится бессознательным. Оно забывается, его место занимает какое-то более или менее рациональное оправдание, если вообще возникает побуждение искать какую-либо мотивацию. Процесс, при котором недопустимое желание оказывается бессознательным, принято называть вытеснением, в отличие от собственно подавления, которое предполагает, что желание остается осознанным и осознанно отвергается. Несмотря на вытеснение и забвение, неприемлемое содержание — будь то собственно желания или болезненные воспоминания — продолжает существовать, а его невоспринимаемое наличие воздействует на сознательные психические процессы. Это воздействие принимает облик специфических нарушений сознательных, или нормальных, функций; мы называем такие нарушения нервными или психогенными нарушениями. Показательно, к слову, что данные нарушения затрагивают не только психику, что их результатами выступают и физиологические, соматические расстройства. В последнем случае, как подчеркивает Жане, расстраиваются отнюдь не основополагающие элементы функций, а лишь произвольные применения функций в различных совокупных условиях. Например, основной элемент функции питания — это акт глотания. Если бы пациент задыхался всякий раз при приеме твердой или жидкой пищи, перед нами было бы анатомическое или органическое расстройство. А вот если бы удушье являлось реакцией на определенную еду или конкретный прием пищи (либо случалось в присут-

ствии определенных лиц или только при определенном настроении едока), то это было бы уже нервное, психогенное расстройство. Значит, психогенное расстройство воздействует на акт приема пищи лишь при определенных психологических, а не физических условиях.

⁴ Такие нарушения физиологических функций особенно часты при истерии. В другой, не менее многочисленной группе болезней — французские врачи говорят о психастении, — их место занимают сугубо психические расстройства. Последние способны принимать самые разнообразные формы, от навязчивых идей, состояний тревожности и угнетенности до перепадов настроения, фантазий наяву, патологических аффектов и т. д. В основе всех этих нарушений обнаруживаются вытесненные психические содержания, то есть те, которые стали бессознательными. Из указанных чисто эмпирических данных постепенно складывается представление о бессознательном как сумме всех неприемлемых и вытесненных желаний, включая болезненные и подавляемые воспоминания.

⁵ Далее, не составляет труда показать, что основную часть этих неприемлемых содержаний составляют те, что имеют отношение к феномену сексуальности. Половое влечение есть основополагающий инстинкт, который, как всем известно, наиболее плотно окутан пеленой умолчания — в силу чувства деликатности. В форме любви это влечение становится причиной самых бурных аффектов, самых необузданных желаний, самого глубокого отчаяния, самой сокрушительной тоски — вообще всех самых болезненных переживаний. Сексуальность представляет собой важную физическую, наряду с широко разветвленной психической, функцию, от которой зависит все будущее человечества. Следовательно, она не уступает в значимости функции питания, пусть и принадлежит к влечениям иного рода. Но почему тогда пищевая функция, от поедания простого куска хлеба до роскошного пира, предъясняется и зримо предстает во всем своем многообразии (в худшем случае ее удовлетворение сдерживают ради преодоления кишечных колик или вследствие общей нехватки продовольствия), между тем как сексуальность подпадает под моральное табу и должна подчиняться изрядному количеству

правовых норм и ограничений? В отличие от функции питания, она не считается достоянием свободного волеизъявления индивидуума. Понятно, что вокруг этого вопроса сосредоточивается немало насущных интересов и сильных эмоций, ибо аффекты, как правило, обнаруживаются именно там, где приспособление к обществу завершилось в наименьшей степени. Более того, сексуальность, как я уже сказал, есть основной инстинкт каждого человеческого существа, чего оказалось вполне достаточно для популярной теории Фрейда, которая все на свете сводит к сексуальности и очерчивает бессознательное как своего рода чулан, где спрятаны все вытесненные и недопустимые детские желания, наряду с более поздними неприемлемыми сексуальными побуждениями. Сколь бы безвкусной ни была эта позиция, мы должны отдать ей должное, если хотим раскрыть все, что Фрейду удалось утрамбовать в понятие сексуальности. Правда, мы быстро понимаем, что Фрейд расширил границы этого понятия далеко за дозволенные пределы, и лучшим обозначением для общей картины, каковую он на самом деле имеет в виду, будет «Эрос» — в старом, философском смысле «Пан-Эроса»¹, который пронизывает всю природу в качестве творческого, созидającego начала. «Сексуальность» же — самое неудачное выражение, какое можно было придумать. Так или иначе, понятие сексуальности сделалось общепринятым, оно приобрело, по-видимому, столь размытые границы, что даже слово «любовь» не всегда удобно использовать как синоним. Однако Фрейд, как можно легко показать на многочисленных отрывках из его трудов, нередко подразумевает «любовь», когда рассуждает о сексуальности.

- ⁶ Фрейдистское движение в целом твердо придерживается этой сексуальной теории. Несомненно, не найти сегодня такого непредубежденного мыслителя или исследователя, который не признавал бы исключительной важности сексуальных (или эротических) переживаний и конфликтов. Но попросту невозможно доказать, будто сексуальность является основополагающим инстинктом и деятельным принципом

¹ Имеется в виду «всеобщий эрос» как побудительный мотив человеческих поступков у древнегреческих философов. — *Примеч. пер.*

человеческой психики. Напротив, любой непредубежденный ученый признает, что психика представляет собой чрезвычайно сложную структуру. Хотя допустимо рассматривать ее с биологической точки зрения и пытаться объяснить посредством биологических факторов, она ставит перед нами множество иных загадок, для разрешения которых необходимы условия, каковым ни одна наука по отдельности, в том числе биология, не в состоянии соответствовать. Каких бы инстинктов, влечений или побуждений у человека ни находили или ни предполагали найти биологи, сейчас и в будущем, никак нельзя признать столь ограниченный инстинкт как сексуальность в качестве основополагающего объяснения психики. Биология (и наука в целом) миновала стадию увлечения некими единичными проявленными силами — тут сразу вспоминаются старые ученые с их увлеченностью флогистоном и электричеством¹. Мы научились использовать скромную абстракцию, так называемую энергию, в которой выражаем объяснительный принцип любых количественных изменений.

⁷ Я убежден, что истинно научная установка в психологии должна в итоге привести к выводу, гласящему, что динамические процессы человеческой психики невозможно свести к той или иной конкретной инстанции, не то мы вновь окажемся на стадии всеобщей одержимости флогистоном. Мы должны признать влечения неотъемлемыми составными частями психики, а затем абстрагировать наш принцип объяснения, выводимый из их взаимосвязи. Поэтому, мне кажется, разумнее выдвигать некую гипотетическую величину, или «энергию», в качестве психологического объяснительного принципа; эту энергию мы называем «либидо» в классическом смысле слова², не питая никаких предубеждений

¹ Флогистон — гипотетическая «сверхтонкая материя», «огненная субстанция», якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении; теория флогистона была опровергнута опытами и разъяснениями А. Лавуазье. Что касается электричества, в работах Б. Франклина и современных ему ученых электричество трактовалось как «нематериальная жидкость», или флюид. — *Примеч. пер.*

² Либидо в широком понимании — общая психическая энергия жизни (или «воля к жизни», по А. Шопенгауэру). — *Примеч. пер.*